

ЯЗЫК ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ. О НАУЧНОСТИ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Г. В. Суворов

Вятский государственный университет

Поступила в редакцию 27 апреля 2020 г.

Аннотация: в статье рассматривается проблема использования понятийного и категориального языка гуманитарных дисциплин в структуре современного научного познания. Обосновывается вывод о том, что гуманитарные теории в значительной мере являются реализацией вненаучных по своему происхождению установок, которые определяют логику рассуждения исследователей, выражающуюся в неустойчивом терминологическом языке. Для возвращения гуманитарного знания к идеалам подлинной научности необходимо центрировать внимание на философском анализе функционирования гуманитарной культуры в целом.

Ключевые слова: гуманитарные науки, текст, научная терминология, псевдонаука, исследовательская традиция.

Abstract: the article considers the problem of using the conceptual and categorical language of humanitarian disciplines in the structure of modern scientific knowledge. The conclusion is substantiated that humanitarian theories are to a large extent the realization of extra-scientific in their origin attitudes that determine the logic of the reasoning of researchers, expressed in an unstable terminological language. To return humanitarian knowledge to the ideals of genuine science, it is necessary to focus on the philosophical analysis of the functioning of the humanitarian culture as a whole.

Key words: humanities, text, scientific terminology, pseudoscience, research tradition.

Споры и дискуссии относительно специфики гуманитарного познания, которым мы обязаны классической традиции неокантианства, не утихают и сегодня, что доказывает актуальность данной темы в рамках философии и методологии науки. Методологический анализ – это неотъемлемое условие для достижения основной цели науки – глубокого познания той или иной области реальности. Решение проблемы методологического анализа гуманитарных дисциплин невозможно вне анализа исторических предпосылок их возникновения, а также определения характерного стиля мышления в ту или иную историческую эпоху.

Научные идеи выдвигаются, проверяются и опровергаются в однородном для каждой исторической эпохи пространстве, соответственно, язык, на котором эти идеи формулируются, отражает общий интеллектуальный и идеологический уровень культурно-цивилизационного пространства и мыслительные горизонты эпохи. Ключевая проблема заключается в том, что для гуманитарной культуры язык выступает и как средство описания (понимания) мира, и как средство воздействия на мир, и как

инструмент познания самой себя. Такая предельно широкая трактовка языка приводит к серьезному затруднению, а именно к вопросу о том, существует ли возможность с помощью понятий, имен и категорий упорядочить внешний мир и, в то же время, адекватно выразить внутренний мир, свое сознание и подсознание. Отсюда возникают более конкретные методологические трудности, связанные с понятиями языковой деятельности, диалога, понимания, интерпретации. Можно сказать, что для обозначения границ языка, используемого в гуманитарном познании, как нельзя лучше подходит фраза английского логика и философа Людвиг Витгенштейна, завершающая его «Логико-философский трактат»: «То, о чем нельзя сказать, следует обойти молчанием».

Сегодня прослеживаются неустойчивость терминологического языка в области гуманитарных наук, а также частичная утрата культуры пользования традиционными понятиями и категориями, выработанными в философии и науке XVII – начала XX в. Мы можем указать на присутствие в гуманитарном познании терминологической двусмысленности и неопределенности таких терминов, как «объект», «предмет», «парадигма», «закон», «теория» и т. п. Это приводит к частой подмене исследования описательностью без связи с какой-либо достоверной теорией или, наоборот, дает схоластическое теоретизирование без опоры на научные факты. При прочтении некоторых специальных работ по социально-гуманитарной тематике появляется устойчивое ощущение того, что гуманитарии специально выработали собственный «междисциплинарный» язык, который в лучшем случае понятен лишь немногим, а иногда непонятен даже их носителям.

После постмодернистского натиска культурных исследований, ныне, уже в третьем десятилетии XXI в., можно смело говорить о своеобразном ренессансе дисциплинарного принципа в гуманитарных науках [1, с. 13]. Сегодня для научных исследований стали привычны «методологические гибриды»: антропологии с социологией, истории с культурологией, педагогики и психологии и других социально-гуманитарных дисциплин. С точки зрения классической методологии, это своеобразный коллаж методов, используемых очень часто нетрадиционным, а в некоторых случаях, недопустимым образом. По словам российского методолога А. С. Новикова, такая междисциплинарность осложняет процесс восприятия научных открытий, так как от ученого требуется эрудиция сразу в нескольких областях дисциплинарного знания [2, с. 460]. Другой вопрос, существует ли хоть какая-нибудь существенная мысль за этими многосложными языковыми построениями? Некоторые понятия и термины гуманитарного знания, такие как «текст», «дискурс», «нарратив», «сценарий», или утрачивают свою актуальность, или, напротив, обретают чрезмерную экспансию, вплоть до отождествления со всей культурой. Всё это усиливает степень сомнения в научности гуманитарного знания, по крайней мере, заставляет воспринимать и трактовать некоторые гуманитарные теории в качестве «пустого говорения», «софистики», «литературщины».

Для примера размытости и нестабильности языка гуманитарных исследований можно привести опыт создания компьютерных программ для генерации текста, имитирующих грамматику и синтаксис гуманитарного языка («dada engine»). С помощью этой системы искусственного интеллекта мы можем получать тексты, практически неотличимые ни по содержанию, ни по форме от трудов классиков современного постструктурализма и постмодерна. Так, в 1994 г. английский физик-теоретик Алан Сокал (Alan David Sokal) написал статью, в жанре постмодернистского гуманитарного исследования, под названием «Преодолевая границы: к вопросу о трансформативной герменевтике квантовой гравитации» [3]. Несмотря на нарочитую нелепость и бессодержательность текста, один из уважаемых гуманитарных журналов «Social Text» опубликовал данную статью, что привело к скандалу в научном сообществе и открыло дискуссию о природе не только гуманитарного знания, но и науки в целом. Мистификация была раскрыта самим Сокалом, заявившим, что его целью было не высмеивать сотрудников журнала, в котором он опубликовал свой провокационный текст, а в желании указать на необоснованное использование современного концептуального аппарата естествознания в гуманитарных теориях [4, p. 14–15].

«Шутка Сокала» вызвала бурю эмоций не только внутри научного сообщества (что в принципе является стандартной ситуацией в случае научных дискуссий), но и среди более широкой аудитории. Ведь английский ученый иронически высмеял не только постмодернизм, но и всю современную гуманитаристику, назвав ее «модной чепухой» и обвинив в некорректном использовании научных понятий, использовании концепций естествознания в неподходящих контекстах, а также в манипуляциях теоретическими данными. [5, с. 18–19]. Среди прочего Сокал ссылался на тексты классиков постмодерна и тогдашних лидеров западных интеллектуалов: Бруно Латура и Жака Лакана. По его мнению, представители гуманитарных наук в большинстве случаев являются дилетантами, пытающимися продемонстрировать ложную эрудицию. По словам Сокала, взгляды на науку и ее исследовательскую практику, высказываемые представителями гуманитарной сферы познания, по сути, являются антинаучными. Для этого есть две причины: во-первых, нечеткость рассуждений, которые по природе чужды научному мышлению; во-вторых, формулировка таких тезисов, которые ставят под сомнение рациональность и объективность метода и результатов научного познания. В итоге мы имеем дело, в лучшем случае, с сомнительными по своему качеству описаниями результатов исследовательской практики, а в худшем – с попыткой подорвать демаркационные критерии между научным и псевдонаучным знанием.

Действительно, в гуманитарных науках терминология в значительной мере опирается на лексику «живого» языка: например, часто употребляются уточняющие выражения типа «знак в смысле Чарльза Пирса», «оговорка по Фрейд», «карнавал по Бахтину», «постструктуралистское письмо» и т. п. Тем самым в гуманитарном знании связь имени ученого

с его идеей более плотная и сущностная, нежели в естествознании, ибо в наименованиях гуманитарных наук обозначается не только авторство, но и общая система идей, созданная конкретным ученым и включающую в себя данный термин [6, с. 289]. Французский когнитивист Дэн Спербер отмечает, что основной проблемой социальных наук является их онтологическая «небрежность»: «...мир общественных наук переполнен существами с неопределенным онтологическим статусом. Власть, государство, идеология, религия, магия, жертва, мифы, классы, касты, нации, родство, брак, нормы, ценности, социальная сплоченность, аномия, стратификация общества – всё это объекты или свойства, о которых очень трудно сказать, к какой субстанции они относятся» [7, р. 105–115].

Единственное, что мы можем утверждать с уверенностью – это то, что никакая область знания, представленная на уровне обобщающих теорий и прикладных исследований, не соответствует реальности и не отображает ее объективную структуру. Можно согласиться с классиком немецкой социологической мысли Максом Вебером, утверждавшим, что «не существует совершенно “объективного” научного знания культурной жизни или социальных явлений, не зависимо от особых и “односторонних” точек зрения» [8, с. 35].

Указывая на паллиативный характер научности гуманитарных теорий, не стоит забывать, что деятельность исследователя в гуманитарном познании имеет циклическую структуру, и, как таковая, она движется от абстрактной схемы к определенному результату. При этом вопрошание и уточнение тематизации в гуманитарных науках зачастую идут под знаком деструктивности, так как когнитивные структуры методично ставятся под угрозу. Всё это указывает на то, что гуманитарные теории являются совершенно неэффективными, как в технологическом, так и в теоретическом аспектах. Вполне правомерна точка зрения некоторых авторов, что гуманитарные науки не должны стремиться к научности, по аналогии с математическим естествознанием [9]. Гуманитарные науки должны вызывать, прежде всего, не специально научный, а мировоззренческий или ценностный интерес. Работы ученых-гуманитариев анализируют профессиональные философы (например, этнографические исследования Клода Леви-Стросса Жаком Деррида), и анализируют не просто теорию конкретной научной дисциплины, сколько наиболее общие идеи, применимые в других науках и априорной рефлексии о культуре. При интерпретации гуманитарных теорий их авторы переходят из поля науки в философию, выдвигая на передний план не операциональные идеи, правила и методы, а умозрительные смыслы.

В то же время в массовом сознании гуманитарная культура по-прежнему сохраняет имидж альтернативы «настоящей» науке, сформировавшийся во второй половине XX в. под влиянием средств массовой информации и западной интеллигенции, которая активно транслировала мистические и антисциентистские взгляды. В итоге значительно возросла вероятность распространения пагубных стратегических решений в политике, экологии, образовании и этике. Как отразится этот переворот

на развитии гуманитарных наук в XXI в.? Способны ли гуманитарные теории, трансформироваться в гуманитарные технологии? По словам российского культуролога и философа Михаила Эпштейна, «страшно подумать, что станет с гуманитариями, когда их попросят из -ведов перекавалифицироваться в -водов: так сказать, языководов, литературоводов, искусствоводов, мыслеводов» [10, с. 112–113].

В своей совокупности гуманитарные науки представляют собой сферу самопознания человечества, познания человеком самого себя в своем жизненном существовании. В данном случае предмет гуманитарных наук сливается с предметом философии (метафизики) – это взаимоотношение мира и человека на основе духовных ценностей. Иммануил Кант называл представления о таких целостностях «трансцендентальными идеями», которые играют огромную роль в познании, будучи его предельными целями, – только сами они лежат за пределами науки. Тем самым гуманитарные науки (humanities) образуют достаточно устойчивое ядро культурной памяти, будучи вписанными в определенную культурную традицию, по отношению к которой все вновь создаваемые гуманитарные теории и тексты являются комментариями и вариациями. Научные аргументы гуманитарных теорий являются реализацией вненаучных по своему происхождению установок, которые определяют логику рассуждения ученых. В гуманитарных науках новейшие исследования ни в коем случае автоматически не превосходят предыдущие, хотя любая научная работа может определять задачи и перспективу для последующих исследований [11, с. 25]. Иррациональное в одной системе может стать рациональным в другой системе. Поэтому научная рациональность – исторична и открыта. Открытость означает возможность возникновения качественно новых свойств в структуре научной рациональности [12, с. 242].

Как и любая форма познания, процесс науки имеет свои конечные цели. Этих целей, как минимум, две: во-первых, наука должна выдерживать в массиве своих теоретических результатов должный стандарт обоснованности, обеспечивающий практическую приложимость результатов; во-вторых, современная наука стремится к интеграции научных дисциплин на уровне их перспектив. Вторая цель подчинена основному постулату науки – «наука должна признавать научным только то, что она способна в рамках методологических нормативов сформулировать и сделать разрешимым». На сегодняшний день гуманитарное познание не обладает подобной перспективой, следовательно, ни одна гуманитарная наука не выглядит даже вероятной основой синтеза разрозненных гуманитарных дисциплин в целостную науку.

Литература

1. *Дмитриев А. Н.* Дисциплинарные порядки в гуманитарных и социальных науках / А. Н. Дмитриев // *Науки о человеке : история дисциплин : колл. монография.* – М. : Издат. дом Высш. шк. экономики, 2015. – 651 с.
2. *Новиков А. С.* Структурный анализ науки : Проблемы. Поиски. Открытия / А. С. Новиков. – М. : ЛЕНАНД, 2015. – 480 с.

3. Sokal A. Transgressing the Boundaries : Toward a Transformative Hermeneutics of Quantum Gravity / A. Sokal // Social Text 46/47. – 1996. – P. 217–252.

4. Sokal A. What the Social Text Affair Does and Does Not Prove / A. Sokal // After the Science Wars. – London ; N. Y. : Routledge, 2001. – P. 13–28.

5. Сокал А. Интеллектуальные уловки : критика современной философии постмодернизма / А. Сокал, Ж. Брикмон. – М. : Дом интелект. кн., 2002. – 248 с.

6. Зенкин С. Гуманитарная классика : между наукой и литературой / С. Зенкин // Классика и классики. – М. : Нов. лит. обозрение, 2009. – 536 с.

7. Sperber D. Les sciences cognitives, les sciences sociales et le materialism / D. Sperber // Le Débat 47. – 1987. – P. 105–115.

8. Вебер М. Наука как призвание и профессия / М. Вебер // Избранные произведения. – М., 1990. – 808 с.

9. Гумбрехт Х. Должны ли гуманитарные науки быть научными? / Х. Гумбрехт // Неприкосновенный запас. – 2004. – № 3 (35). – С. 35–40.

10. Эпштейн М. Н. От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир / М. Н. Эпштейн. – М. ; СПб. : Центр гуманит. инициатив, 2016. – 480 с.

11. Руткевич А. М. К вопросу о классике в философии / А. М. Руткевич // Классика и классики. – М. : Нов. лит. обозрение, 2009. – 536 с.

12. Делокаров К. Х. Научная рациональность как философско-методологическая проблема / К. Х. Делокаров // Личность. Познание. Культура : сб. статей к 70-летию Л. А. Микешиной. – М. : МПГУ, 2002. – 589 с.

Вятский государственный университет

Суворов Г. В., кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии, социологии и философии

E-mail: suvorov-gleb@mail.ru

Viatka State University

Suvorov G. V., Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Cultural Studies, Sociology and Philosophy Department

E-mail: suvorov-gleb@mail.ru